

VIII. АБСОЛЮТНОЕ ЗНАНИЕ

[1. Простое содержание самости, знающей себя как бытие.] – Дух религии откровения еще не преодолел своего сознания как такового, или, что то же самое, его действительное самосознание не составляет предмета его сознания; он сам вообще и различающиеся внутри его моменты относятся к процессу представления и к форме предметности. *Содержание* процесса представления есть абсолютный дух; и все дело единственно еще в снятии этой голой формы, или, лучше сказать, так как она присуща *сознанию как таковому*, то ее истина должна была обнаружиться уже в формообразованиях его. – Это преодоление предмета сознания следует понимать не как одностороннее в том смысле, что он оказался возвращающимся в самость, а определеннее – в том смысле, что предмет как таковой представлялся сознанию исчезающим, и кроме того еще, что именно отрешение самосознания устанавливает вещьность и что это отрешение имеет не только негативное, но и положительное значение, имеет его не только для нас или в себе, но и для самого самосознания. *Для него* негативное предмета или снятие им себя самого потому имеет положительное значение, или оно *знает* эту ничтожность предмета потому, с одной стороны, что оно отрешается от себя самого; ибо в этом отрешении оно утверждает *себя* как предмет, или предмет – в силу нераздельного единства *для-себя-бытия* – как себя само. С другой стороны, здесь содержится в то же время и второй момент – то, что оно равным образом сняло и приняло обратно в себя это отрешение и предметность и, стало быть, в *своем* инобытии как таковом оно находится при себе. – Это есть движение *сознания*, и сознание здесь составляет всю совокупность своих моментов. – Оно должно точно так же относиться к предмету согласно этой совокупности его определений и таким образом постигнуть его согласно каждому из них. Эта совокупность определений предмета делает *его в себе* духовной сущностью, и он поистине становится ею для сознания благодаря постиганию каждого отдельного определения как самости или благодаря только что названному духовному отношению к ним.

Предмет, таким образом, есть, во-первых, *непосредственное* бытие или вещь вообще, что соответствует непосредственному сознанию; он есть, во-вторых, становление себя иным, его отношение или *бытие для другого* и *для-себя-бытие*, определенность, что соответствует восприятию; в-третьих, *сущность*, т.е. как всеобщее, что соответствует рассудку. Как целое предмет есть заключение или движение всеобщего через определение к единичности, как и обратное движение – от единичности через нее как снятую единичность или определение ко всеобщему. – Следовательно, согласно этим трем определениям сознание должно знать предмет в качестве себя самого. Но все же это не есть знание как чистое постигание в понятии предмета, о котором идет речь, а это знание должно быть показано лишь в своем становлении или в своих

моментах с той стороны, которая присуща сознанию как таковому, а моменты подлинного понятия или чистого знания – в форме образований сознания. Поэтому предмет предстает в сознании как таковом еще не в качестве духовной сущности, как она только что была определена нами; и отношение сознания к предмету не есть рассмотрение его ни в этой целостности как таковой, ни в форме ее чистого понятия, а есть, с одной стороны, формообразование сознания вообще, а с другой стороны, некоторое число таких форм, которые *мы* берем в едином целом и в которых совокупность моментов предмета и отношения сознания может быть показана только разложенной на свои моменты.

Таким образом, относительно той стороны постигания предмета, с какой оно имеется в формообразовании сознания, нужно только напомнить о прежних его формах, с которыми мы уже встречались. – Что касается, стало быть, предмета, поскольку он непосредствен, поскольку он есть *равнодушное бытие*, то, как мы видели, наблюдающий разум *ищет* и *находит* себя самого в этой равнодушной вещи, т.е. он сознает свое действие столь же внешним действием, как он сознает предмет только непосредственным предметом. – Мы видели также, что разум, достигший своей высшей точки, выражает свое определение в бесконечном суждении: *бытие “я” есть некоторая вещь*. И притом некоторая чувственная непосредственная вещь: если “я” называется *душой*, то хотя оно и представлено как вещь, но как вещь невидимая, неосязаемая и т.д., стало быть, на деле не как непосредственное бытие и не как то, что подразумевают под вещью. Это суждение, если его понимать так, как оно непосредственно гласит, лишено духа или, вернее сказать, есть сама эта лишенность. Но по *понятию* своему оно на деле в высшей степени богато духом, и именно это его “*внутреннее*”, которое в нем еще не имеется *налицо*, выражают оба другие подлежащие рассмотрению момента.

Вещь есть “я”; фактически в этом бесконечном суждении вещь снята; она – ничто в себе; она имеет значение только в отношении, только *благодаря “я”* и своему *соотношению* с ним. Этот момент раскрылся для сознания в чистом здравомыслии и просвещении. Вещи попросту *полезны*, и их следует рассматривать только со стороны их полезности. – Обладающее *образованностью* самосознание, которое прошло через мир отчужденного от себя духа, своим отрешением создало вещь в качестве себя самого, удерживает поэтому в ней еще себя само и знает о несамостоятельности ее, или о том, что вещь *по существу* есть только *бытие для другого*; или, если полностью выразить *отношение*, т.е. то, что единственно составляет здесь природу предмета, то для него вещь имеет значение некоторого *для-себя-сущего*, оно провозглашает чувственную достоверность абсолютной истиной, само же это *для-себя-бытие* – моментом, который только исчезает и переходит в свою противоположность – в брошенное на произвол бытие для другого.

Но этим знание вещи еще не доведено до конца; вещь должна сделаться достоянием знания не только со стороны непосредственности бытия и со стороны определенности, но и как *сущность* или “*внутрен-*

нее”, как самость. Это имеет место в *моральном самосознании*. Последнее знает свое знание как *абсолютную существенность*, или знает бытие просто как чистую волю и знание; оно и *есть* не что иное, как эта воля и знание; другому [моменту] принадлежит лишь несущественное бытие, т.е. не *в-себе-сущее*, лишь его пустая оболочка. Насколько моральное сознание в своем миропредставлении предоставляет *наличному бытию* свободу от самости, настолько же оно принимает его обратно в себя. В качестве совести, наконец, оно более уже не есть, эта сменяющаяся установка и перетасовка наличного бытия и самости, а оно знает, что его *наличное бытие* как таковое есть эта чистая достоверность себя самого; предметная стихия, в которую моральное сознание, совершая поступки, выставляет себя, есть не что иное, как чистое знание самости о себе.

Таковы те моменты, из которых складывается примирение духа со своим подлинным сознанием; они для себя разъединены, и лишь их духовное единство составляет силу этого примирения. Но последний из этих моментов необходимо есть само это единство и, как очевидно, он и связывает на самом деле их все внутри себя. Дух, достоверно знающий себя самого в своем наличном бытии, имеет стихией наличного бытия не что иное, как это знание о себе; высказывание, что то, что он делает, он делает согласно убежденности в долге, – эта его речь и составляет *значимость* его поступков. Совершение поступков есть первое *в-себе-сущее* разъединение простоты понятия и возвращение из этого разъединения. Это первое движение превращается во второе, так как стихия признания утверждает себя как *простое* знание о долге по отношению к *различию* и *раздвоению*, заключающемуся в совершении поступков как таковом, и таким образом создает прочную действительность по отношению к поступкам. Но мы видели в прощении, как эта непреклонность отступает от себя самой и отрешается от себя. Действительность, стало быть, и как *непосредственное наличное бытие* не имеет здесь для самосознания иного значения, кроме того, что она есть чистое знание; точно так же – как *определенное* наличное бытие, или как отношение – то, что противостоит самому себе, есть знание, с одной стороны, об “этой” чисто единичной самости, а с другой стороны, о знании как всеобщем. В то же время здесь установлено, что *третий* момент, *всеобщность* или *сущность*, для каждой из двух противостоящих сторон имеет значение только как *знание*; и они, наконец, точно так же снимают пустую еще оставшуюся противоположность и суть знание “я = я” (des Ich = Ich); “эта” *единичная* самость, которая непосредственно есть чистое знание или “всеобщее”.

Это примирение сознания с самосознанием оказывается, таким образом, осуществленным с двух сторон: во-первых, в религиозном духе, во-вторых, в самом сознании как таковом. Они обе различаются друг от друга тем, что первая сторона есть это примирение в форме *в-себе-бытия*, вторая – в форме *для-себя-бытия*. Как мы видели, они прежде всего распадаются; в том порядке, в каком для нас выступали формообразо-

вания сознания, последнее достигало, с одной стороны, отдельных моментов этого порядка, а с другой стороны, их соединения, задолго до того, как и религия сообщила своему предмету форму действительного самосознания. Соединение обеих сторон еще не показано; именно оно и замыкает этот ряд формообразований духа; ибо в соединении дух достигает того, что знает себя, не только, как он есть *в себе*, или со стороны своего абсолютного *содержания*, и не только, как он есть *для себя* со стороны своей бессодержательной формы или со стороны самосознания, но и как он есть *в себе и для себя*.

Но это соединение *в себе* уже совершилось, правда, также и в религии, в возвращении представления в самосознание, но не со стороны формы в собственном смысле, ибо религиозная сторона есть сторона того *в-себе*[-бытия], которое противостоит движению самосознания. Соединение поэтому принадлежит другой стороне, составляющей в противоположности сторону рефлексии в себя, следовательно, сторону, которая содержит себя самое и свою противоположность, и не только *в себе* или всеобщим образом, но *для себя* или в развитом и различном виде. Содержание, точно так же как и другая сторона духа, обладающее самосознанием, поскольку она есть *другая* сторона, имеются налицо и были показаны во [всей] их полноте; соединение, которого еще нет, есть простое единство понятия. Последнее со стороны самого самосознания также уже имеется налицо; но в том виде, в каком оно встречалось в предшествующем, оно, подобно всем прочим моментам, имеет форму *особенного образования сознания*. – Понятие, стало быть, есть та часть формообразования достоверно знающего себя самого духа, которая остается в своем понятии и которая была названа *прекрасной душой*. Именно она и есть знание духа о себе самом, в его чистом прозрачном единстве, – самосознание, которое знает как духа это чистое знание *о чистом внутри-себя-бытии*, – не только созерцание божественного, но и самосозерцания его. Твердо противопоставляя себя своей реализации, это понятие есть односторонняя форма, исчезновение которой в пустом тумане, а также и ее положительное отрешение и дальнейшее движение мы видели. Этой реализацией снимается упорство этого беспредметного самосознания, *определенность* понятия по отношению к своему *осуществлению*; его самосознание приобретает форму всеобщности, и то, что ему остается, есть его подлинное понятие, или понятие, которое приобрело себе реализацию; оно есть понятие в своей истине, а именно в единстве со своим отрешением; знание о чистом знании не как об абстрактной *сущности*, которая есть долг, а знание о знании как о сущности, которая есть “*это*” знание, “*это*” чистое самосознание, которая, стало быть, в то же время есть подлинный *предмет*; ибо он есть для-себя-сущая самость.

Свое осуществление это понятие сообщило себе, с одной стороны, в *действующем* духе, достоверно знающем себя самого, а с другой стороны, в *религии*: в последней оно приобрело абсолютное *содержание как содержание*, или в форме *представления*, инобытия для сознания;

напротив того, в первом формообразовании форма есть сама самость, ибо в форме содержится *действующий* дух, достоверно знающий себя самого; самость проходит жизнь абсолютного духа. Это формообразование, как мы видим, есть указанное простое понятие, но такое, которое отказывается от своей вечной *сущности*, *налично есть* или действует. Раздваивание или обнаруживание заключается у него в *чистоте* понятия, ибо эта чистота есть абсолютная абстракция или негативность. Точно так же дух имеет стихию своей действительности или бытия в ней в самом чистом знании, ибо это знание есть простая *непосредственность*, которая в такой же мере есть *бытие* и *наличное бытие*, как и *сущность*; первое есть негативное мышление, вторая – само положительное мышление. Наконец, это наличное бытие точно так же есть рефлексированность в себя из него – и в качестве наличного бытия и в качестве долга, – или есть бытие во *зле*. Этот уход в себя составляет *противоположность понятия* и тем самым есть выступление *недействующего, недействительного* чистого знания сущности. Но это его выступление в этой противоположности есть участие в ней; чистое знание сущности отрешилось *в себе* от своей простоты, ибо оно есть *раздваивание* или негативность, которая есть понятие; поскольку это раздваивание есть *для-себя-становление*, оно есть зло; поскольку оно есть *в-себе*[-бытие], оно есть то, что остается добром. – То, что теперь прежде всего совершается *в себе*, есть в то же время и *для сознания*, и точно так же само удвоено, т.е. в такой же мере есть *для него*, как оно есть его *для-себя-бытие* или его собственное действие. То самое, что уже установлено *в себе*, повторяется теперь, стало быть, как знание сознания о нем и сознательное действие. Каждое отказывается в пользу другого от самостоятельности определенности, в которой оно выступает по отношению к нему. Эта уступка есть тот же отказ от односторонности понятия, который *в себе* составлял начало; но теперь это – *его* отказ, подобно тому как понятие, от которого оно отказывается, есть его понятие. Указанное в-себе[-бытие] начала в качестве негативности поистине есть в такой же мере опосредствованное в-себе[бытие]; так, как оно есть поистине, оно, стало быть, теперь *выявляет* себя, и *негативное* оказывается *определенностью* каждого для другого, а в себе оно есть то, что снимает себя само. Одна из обеих сторон противоположности есть неравенство *внутри-себя-бытия* в своей *единичности-бытия* по отношению к всеобщности, другая – неравенство его абстрактной всеобщности по отношению к самости; первое умирает для своего для-себя-бытия и отрешается, исповедуется; второе отступает от непреклонности своей абстрактной всеобщности и тем самым умирает для своей неживой самости, и своей неподвижной всеобщности; таким образом, следовательно, первое исполнилось моментом всеобщности, которая есть сущность, и второе – моментом всеобщности, которая есть самость. Благодаря этому движению действий дух, который только потому и дух, что он *налично есть*, возводит свое наличное бытие в *мысль* и тем самым – в абсолютное *противоположение* и возвращается из по-

следнего именно благодаря ему и внутри его самого, – этот дух выступил как чистая всеобщность знания, которое есть самосознание, и как самосознание, которое есть простое единство знания.

Таким образом, то, что в религии было *содержанием* или формой процесса представления некоторого “иного”, здесь есть собственное *действие самости*; благодаря понятию *содержание* есть собственное *действие самости*, ибо это понятие, как мы видим, есть знание действия самости внутри себя как всей сущности и всего наличного бытия, знание об “этом” субъекте как *субстанции* и о субстанции как “этом” знании своего действия. – То, что мы присовокупили здесь, есть, с одной стороны, только *собрание* отдельных моментов, из коих каждый в своем принципе проявляет жизнь духа в целом, а с другой стороны, закрепление понятия в форме понятия, содержание которого раскрывалось бы в указанных моментах и которое само уже раскрылось бы в форме некоторого *образования сознания*.

[2. Наука как постигание самостью себя в понятии.] – Это последнее формообразование духа, дух, который своему полному и истинному содержанию придает в то же время форму самости и благодаря этому в такой же мере реализует свое понятие, как в этой реализации остается в своем понятии, есть абсолютное знание; это есть дух, знающий себя в формообразовании духа, или *знание, постигающее в понятии*. *Истина* не только в себе совершенно равна *достоверности*, но также имеет *форму достоверности* себя самого, или в своем наличном бытии, т.е. для знающего духа, она есть в *форме* знания себя самого. *Истина* есть *содержание*, которое в религии еще не равно своей достоверности. Равенство же это состоит в том, что содержание получило форму самости. Благодаря этому стихией наличного бытия или *формой предметности* для сознания стало то, что есть сама сущность, а именно *понятие*. Дух, являющийся сознанию в этой стихии, или, что здесь одно и то же, порожденный сознанием в этой стихии, *есть наука*.

Природа, моменты и движение этого знания, следовательно, раскрылись в том смысле, что это знание есть чистое *для-себя-бытие* самосознания; оно есть “я”, *это* и никакое иное “я” и оно столь же непосредственно *опосредствовано* или есть снятое всеобщее “я”. – У него есть некоторое *содержание*, которое оно *отличает* от себя; ибо оно есть чистая негативность или самораздваивание; оно есть *сознание*. Это содержание в самом своем различии есть “я”, ибо оно есть движение снятия себя самого, или та же чистая негативность, которая есть “я”. “Я” внутри содержания как того, что различено, рефлексировано в себя; содержание только благодаря тому постигнуто в *понятии*, что “я” в своем инобытии остается у себя самого. Это содержание, говоря определеннее, есть не что иное, как само только что упомянутое движение; ибо это содержание есть дух, который проникает в себя самого и притом для себя как духа, – благодаря тому что оно в своей предметности имеет форму понятия.

Что же касается *наличного бытия* этого понятия, то во времени и действительности *наука* появляется не раньше, чем дух дошел до этого

сознания относительно себя. Как дух, который знает, что он такое, дух существует только тогда и только там, когда и где он довел до конца работу, направленную на то, чтобы превозмочь свое несовершенное формообразование, обрести себе для своего сознания форму своей сущности и таким способом примирить свое *самосознание* со своим *сознанием*. – В себе и для себя сущий дух, различенный в своих моментах, есть *для-себя*-сущее знание, постижение в понятии вообще, которое как таковое еще не достигло *субстанции* или не есть в себе самом абсолютное знание.

В действительности же знающая субстанция налично имеется прежде своей формы или оформления ее в понятии. Ибо субстанция есть еще неразвитое “*в себе*” или основа и понятие в его еще неподвижной простоте, следовательно, *внутренняя суть* духа или его самость, которая еще *налично* не имеется. То, что *есть налично*, есть в качестве еще не развитой простоты и непосредственно или в качестве предмета *представляющего* сознания вообще. Познание, так как оно есть духовное сознание, для которого то, что *есть в себе*, есть лишь постольку, поскольку оно есть *бытие для самости* и бытие *самости* или понятие, – познание в силу этого обладает сначала только некоторым бедным предметом, по сравнению с которым субстанция и ее сознание богаче. Откровение, которое она имеет в последнем, на деле есть сокровище; ибо она есть *лишенное* еще *самости бытие*, а дана себе как откровение лишь достоверность себя самого. Поэтому на первых порах от субстанции самосознанию принадлежат только *абстрактные моменты*; но так как эти последние как чистые движения сами влекут себя дальше, то самосознание обогащается, пока оно не отнимет у сознания всей субстанции, пока не вовлекло в себя всего строения ее существенностей и (так как это негативное отношение к предметности в такой же мере и положительно, т.е. представляет собой полагание) пока оно не породило ее из себя и в то же время не восстановило ее тем самым для сознания. В *понятии*, которое знает себя как понятие, *моменты*, следовательно, выступают раньше, чем *осуществленное целое*, становление которого есть движение указанных моментов. В *сознании*, напротив того, целое, но не постигнутое в понятии, раньше моментов. – *Время* есть само *понятие*, которое *налично есть* и представляется сознанию как пустое созерцание; в силу этого дух необходимо является во времени, и является до тех пор во времени, пока не *постигает* свое чистое понятие, т.е. пока не уничтожает время. Время есть *внешняя*, созерцаемая, чистая самость, *не постигнутая* самостью, [т.е.] лишь созерцаемое понятие; когда последнее постигает само себя, оно снимает свою временную форму, постигает созерцание в понятии и есть созерцание, постигнутое и постигающее в понятии. – Время поэтому выступает как судьба и необходимость духа, который не завершён внутри себя, как необходимость обогатить долю, которую самосознание имеет в сознании, привести в движение *непосредственность* того, что *в себе*, – форму, в которой субстанция имеется в сознании, – или, наоборот, если то, что в себе,

понимается как “внутреннее”, реализовать и сделать предметом откровения, то, что есть лишь *внутренне*, т.е. присвоить его для достоверности себя самого.

На этом основании следует сказать, что не *познается* ничего, чего нет в *опыте*, или, выражая то же самое другими словами, – познается только то, что имеется налицо как *прочувствованная истина*, как вечное, *внутренне данное в откровении, как составляющее предмет веры* священное¹⁹⁷, или какие бы еще выражения мы ни употребляли. Ибо опыт в том и состоит, что содержание – а оно есть дух – есть *в себе*, есть субстанция и, следовательно, предмет сознания. Но эта субстанция, которая есть дух, есть *становление* его тем, что он есть *в себе*; и лишь как это рефлектирующееся в себя становление дух в себе поистине есть дух. Он есть в себе движение, которое есть познание, превращение указанного *в-себе[-бытия]* в *для-себя[-бытие]*, субстанции – в субъект, предмета *сознания* – в предмет *самосознания*, т.е. в предмет в такой же мере снятый, или в *понятие*. Это движение есть возвращающийся в себя круг, который свое начало предполагает и только в конце его достигает. – Поскольку, следовательно, дух необходимо есть это различие внутри себя, его целое, будучи созерцаемо, противостоит своему простому самосознанию; и так как, следовательно, целое есть то, что различено, то в нем различают его созерцаемое чистое понятие, *время*, а также содержание или *в-себе[-бытие]*; субстанция как субъект включает в себе лишь *внутреннюю* необходимость проявить себя в самой себе как то, что она есть *в себе*, [т.е.] *как дух*. Лишь заверщенное предметное проявление есть в то же время рефлексия субстанции или превращение ее в самость. – Поэтому, пока дух не завершится *в себе* как мировой дух, он не может достигнуть своего завершения как дух, *обладающий самосознанием*. Поэтому во времени содержание религии раньше, чем наука, высказывает, *что такое дух*; но только наука есть истинное знание духа о себе самом.

Движение, направленное к тому, чтобы раскрылась форма знания духа о себе, есть работа, которую он осуществляет как *действительную историю*. Религиозная община, поскольку она прежде всего есть субстанция абсолютного духа, есть примитивное сознание, у которого тем более варварское и тем более суровое наличное бытие, чем глубже внутренний дух сознания, а у его притупленной самости – тем более тяжелая работа над своей сущностью, над чуждым ей содержанием его сознания. Лишь после того, как оно отказалось от надежды внешним, т.е. чуждым, образом снять эту чуждость, оно (так как снятый чуждый модус есть возвращение в самосознание) обращается к себе самому, к своему собственному миру и наличию, открывает их как свое достояние и тем самым сделало первый шаг к тому, чтобы снизить из *интеллектуального мира* или, вернее, чтобы одушевить его абстрактную стихию действительной самостью. Путем наблюдения сознание, с одной стороны, находит наличное бытие как мысль и постигает его в понятии, и, наоборот, в своем мышлении находит наличное бытие¹⁹⁸. Когда оно само

абстрактно провозгласило таким образом прежде всего непосредственное *единство* мышления и *бытия*, [т.е.] абстрактной сущности и самости, и вновь пробудило первое светлое существо в *более чистом* виде, а именно как единство протяжения и бытия (ибо протяжение есть простота более подобная чистому мышлению, чем свет и тем самым вновь пробудило в мысли *субстанцию* восхода¹⁹⁹, то дух в то же время содрогается от этого абстрактного единства, от этой *лишенной самости* субстанциальности и в противоположность ей утверждает индивидуальность²⁰⁰. Но лишь после того как он отрешился от последней в образности, сделал ее благодаря этому наличным бытием и провел ее через всякое наличное бытие, пришел к мысли о полезности²⁰¹ и постиг в абсолютной свободе наличное бытие как свою волю²⁰²; лишь после этого, таким образом, он извлекает мысль из своей самой внутренней глубины и провозглашает сущность как “я = я”. Но это “я = я” есть движение, которое рефлектируется в себя само; в самом деле, так как это равенство, будучи абсолютной негативностью, есть абсолютное различие, то равенство “я” себе самому противостоит этому чистому различию, которое, будучи различием чистым и в то же время предметным для знающей себя самости, должно быть выражено в виде *времени*, так что, подобно тому как прежде сущность была провозглашена единством мышления и протяжения, ее следовало бы понимать как единство мышления и времени; но предоставленное себе самому различие, лишенное покоя и опоры время, напротив, рушится само в себя; оно есть предметный покой *протяжения*, последнее же есть чистое равенство себе самому, “я”. – Или: “я” есть не только самость, оно есть *равенство самости с собой*; но это равенство есть совершенное и непосредственное единство с самим собою, или: “*этот*” субъект есть в такой же мере *субстанция*. Субстанция только для себя была бы бессодержательным созерцанием или процессом созерцания некоторого содержания, которое, будучи определенным, было бы только акцидентальным и лишено необходимости; субстанция лишь постольку считалась бы абсолютной, поскольку она мыслилась бы или созерцалась как *абсолютное единство*, и все содержание должно было бы по своему разнообразию оказаться вне ее в рефлексии, которая ей не свойственна, потому что она не была бы субъектом, не была бы тем, что рефлектирует в себя по поводу себя и себя, т.е. не постигалась бы в понятии как дух. Если тем не менее следовало бы говорить о содержании, то, с одной стороны, только для того, чтобы ввергнуть его в пустую бездну абсолютного, а с другой стороны, оно было бы внешним образом подхвачено из чувственного восприятия²⁰³, казалось бы, что знание достигло вещей, различия от самого себя и различия многообразных вещей, но нельзя было бы понять, как и откуда.

Однако, как обнаружилось для нас, дух не есть только отступление самосознания в его чистую внутреннюю суть и не есть простое погружение самосознания в субстанцию и не-бытие его различия, а есть *это движение* самости, которая отрешается от себя и погружается в

свою субстанцию, а равным образом в качестве субъекта ушло из нее в себя и делает ее предметом и содержанием, когда снимает это различие между предметностью и содержанием. Указанная первая рефлексия из непосредственности есть различение субъектом себя от своей субстанции или раздваивающееся понятие, уход внутрь себя и становление чистого “я”. Так как это различие есть чистое действование “я = я”, то понятие есть необходимость и восхождение *наличного бытия*, которое имеет своей сущностью субстанцию и устойчиво существует для себя. Но устойчивость наличного бытия для себя есть установленное в определенности понятие и тем самым точно так же его движение в нем самом, состоящее в том, что оно погружается в простую субстанцию, которая есть субъект лишь в качестве этой негативности и движения. – “Я” не должно удерживаться в *форме самосознания* против формы субстанциальности и предметности, словно бы оно испытывало страх перед своим решением; сила духа, напротив, состоит в том, что он в своем отрешении остается равным себе самому и, будучи *в-себе-* и *для-себя-*сущим, устанавливает *для-себя-бытие* только в качестве момента – точно так же, как и *в-себе-бытие*. “Я” не есть также и нечто третье, которое отбрасывает различия в бездну абсолютного и провозглашает их равенство в нем²⁰⁴; знание состоит, скорее, в той кажущейся бездеятельности, которая только рассматривает, как различное движется в себе самом и как оно возвращается в свое единство.

[3. Достигший понятия дух в его возвращении к наличной непосредственности.] – Таким образом, в знании дух замкнул движение своего формирования, поскольку последнее обременено непреодоленным различием сознания. Дух достиг чистой стихии своего наличного бытия – понятия. Содержание, со стороны *свободы* его *бытия*, есть отрешающаяся от себя самость или *непосредственное* единство знания самого себя. Чистое движение этого отрешения, если его рассматривать со стороны содержания, составляет *необходимость* этого содержания. Разное содержание, будучи *определенным* содержанием, находится в отношении, не есть в себе, и его не-покой состоит в снятии себя самого, или есть *негативность*; следовательно, необходимость или разнообразие есть как свободное бытие, так и самость; и в этой самостной *форме*, в которой наличное бытие непосредственно есть мысль, содержанием является *понятие*. Когда, следовательно, дух достиг понятия, он развертывает наличное бытие и движение в этом эфире своей жизни и является *наукой*. Моменты его движения представляют в науке уже не как определенные *формообразования сознания*, а, поскольку различие его ушло обратно в самость, как *определенные понятия* и как их органическое внутри себя самого обоснованное движение. Если в феноменологии духа каждый момент есть различие между знанием и истиной и есть движение, в котором это различие снимается, то наука, наоборот, не содержит этого различия и его снятия, а поскольку момент обладает формой понятия, то он соединяет в непосредственном единстве предметную форму исти-

ны и знающей самости. Момент выступает не как движение перехода – из сознания или представления в самосознание и обратно, а его чистая форма, освобожденная от его явления в сознании, чистое понятие и дальнейшее движение последнего зависят единственно от его чистой *определенности*. Наоборот, каждому абстрактному моменту науки соответствует некоторое формообразование являющегося духа вообще. Подобно тому как налично сущий дух не богаче науки, он и не беднее ее в своем содержании. Познание чистых понятий науки в этой форме образований сознания составляет тот аспект их реальности, в котором их сущность, понятие, установленное в ней в своем *простом* опосредствовании в качестве *мышления*, раскрывает моменты этого опосредствования и проявляется, следуя внутренней противоположности.

Наука в себе самой содержит эту необходимость отрешения от формы чистого понятия и переход понятия в *сознание*. Ибо знающий себя самого дух, именно потому, что он постигает свое понятие, есть то непосредственное равенство себе самому, которое в своем различии, есть *достоверность непосредственного* или *чувственное сознание*, – начало, из которого мы исходили; это освобождение себя от формы своей самости есть высшая свобода и надежность своего знания о себе.

Все же это отрешение еще несовершенно; оно выражает *соотношение* достоверности себя самого с предметом, который именно потому, что он находится в соотношении, не достиг своей полной свободы. Знание знает не только себя, но и негативное себя самого, т.е. свой предел. Знать свой предел – значит уметь собою жертвовать. Это жертвование есть отрешение, в котором дух проявляет свое становление духом в форме *свободного случайного* [исторического] *события*, созерцая свою чистую самость как *время* вовне себя, а свое *бытие* – как пространство. Это последнее становление духа, *природа*, есть его живое непосредственное становление; она, отрешенный дух, в своем наличном бытии есть не что иное, как это вечное отрешение от своего *устойчивого существования* и движение, восстанавливающее *субъект*.

Другая же сторона его становления, *история*, есть *знающее, опосредствующее* себя становление – дух, отрешенный во времени; но это отрешение есть точно также отрешение от себя самого; негативное есть негативное себя самого. Это становление воспроизводит некоторое медлительное движение и последовательный ряд духов, некоторую галерею образов, из коих каждый, будучи наделен полным богатством духа, именно потому движется так медлительно, что самость должна пробиться сквозь все это богатство своей субстанции и переварить его. Так как завершение духа состоит в том, чтобы в совершенстве *знать* то, что он *есть*, свою субстанцию, то это знание есть его *уход внутрь себя*, в котором он покидает свое наличное бытие и передает свое формообразование воспоминанию. В своем уходе в себя он погружен в ночной мрак своего самосознания, но его исчезнувшее наличное бытие сохранено в этом мраке; и это снятое наличное бытие – прежнее, но вновь рожденное из знания – есть новое наличное бытие, некоторый новый

мир и духовное формообразование. В нем дух должен столь же не предвзято начинать сызнова, придерживаясь его непосредственности, и заново вырастить себя из него, словно все предшествующее было потеряно для него и словно он ничему не научился из опыта предыдущих духов. Но *воспоминание* (die Er-Innerung) сохранило этот опыт и есть внутреннее (das Innere) и фактически более высокая форма субстанции. Если, таким образом, этот дух сызнова начинает свое образование, как будто исходя только из себя, то все же начинает он на ступени более высокой. Царство духов, образовавшееся таким образом в наличном бытии, составляет последовательный ряд, в котором один дух сменялся другим и каждый перенимал царство мира от предыдущего. Цель последовательного ряда – откровение глубины, а последнее есть *абсолютное понятие*; это откровение есть, следовательно, снятие глубины понятия или его *протяжение*, негативность этого внутри себя сущего “я”, которая есть его отрешение или субстанция, – и его *время*, что это отрешение в самом себе есть отрешение от себя и есть для самости как в своем протяжении, так и в своей глубине. *Цель*, абсолютное знание, или дух, знающий себя в качестве духа, должен пройти путь воспоминания о духах, как они существуют в нем самом и как они осуществляют организацию своего царства. Сохранение их [в памяти], если рассматривать со стороны их свободного наличного бытия, являющегося в форме случайности, есть история, со стороны же их организации, постигнутой в понятии, – *наука о являющемся знании*; обе стороны вместе – история, постигнутая в понятии, и составляют воспоминания абсолютного духа и его Голгофу²⁰⁵, действительность, истину и достоверность его престола, без которого он был бы безжизненным и одиноким; лишь –

Из чаши этого царства духов
Пенится для него его бесконечность²⁰⁶.